

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 2 (53)
2021**

ISSN 1811-7465 (Print)
ISSN 2071-0437 (Online)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), академ. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., академ. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лакхельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зимина О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония);
Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия); Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор); Свидетельство ПИ № ФС 77-71737 от 08.12.2017

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>, свободный.

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

**№ 2 (53)
2021**

ISSN 1811-7465 (Print)
ISSN 2071-0437 (Online)

Journal is founded in 1997
There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-9>

Истомина Ю.А.

Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»
ул. Советов, 29, р.п. Большеречье, Омская область, 646670
E-mail: lebedevajulia1994@yandex.ru

ОРНАМЕНТ ТАРСКИХ И БАРАБИНСКИХ ТАТАР: АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Исследование посвящено анализу орнаментального искусства тюркоязычного населения Омского Прииртышья и Барабинской лесостепи. Привлечение комплекса археологических и этнографических источников и составление таблиц позволили раскрыть сложную картину формирования татарского орнамента, выделить элементы, которые легли в его основу, новации в орнаменте, а также выявить сходство и различие между двумя группами сибирских татар.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, сибирские татары, XVII–XX вв., анализ, орнамент, элемент, композиция.*

Введение

Барабинские и тарские татары представляют собой локальные группы сибирских татар, проживающие на территории Новосибирской и Омской областей, в своем историческом прошлом достаточно интенсивно контактировавшие между собой.

На настоящий момент значимой проблемой является выделение традиционной базы орнаментального искусства барабинских и тарских татар. Ее решение позволило бы затронуть вопросы их формирования и этнокультурных связей. Исследования, посвященные данной тематике, основывались главным образом на этнографических материалах. Однако орнаментальные традиции сложились ранее чем в XIX–XX вв., что мы и попытались проследить, привлекая материалы археологических памятников.

Комплексные историко-этнографические экспедиции начали проводиться Томским государственным университетом (1969–1973 гг.) и Омским государственным университетом (1975–1993 гг.) под руководством Н.А. Томилова. Они были направлены на изучение орнамента, а итоги исследований были подведены в научных статьях и монографиях [Томилов, 1973а, 1973б, 1976, 1978, 1980, 1981, 1987, 1992, 1993]. В них мы находим описание культуры сибирских татар в целом, орнаментального и декоративно-прикладного творчества. Н.А. Томилов постарался проследить эволюцию форм и видов одежды и обуви, показать орнаменты, выполненные в конце XIX — начале XX в. группами тюркоязычного населения Западной Сибири — татарами, эуштинцами, чатами и калмыками. Исходя из характеристики основных мотивов орнамента, приемов нанесения на различные материалы был сформулирован вывод о поэтапном формировании декоративного искусства барабинских и тарских татар под влиянием мигрирующих в Западную Сибирь народов — бухарцев, казахов, мишарей, узбеков, русских и пришлых казанских татар.

В 1974 г. с поездки к тарским татарам в с. Большие Мурлы и соседние селения Большереченского района Омской области для изучения хозяйства, культуры и быта начал исследования сибирских татар В.Б. Богомолов. Результаты полевых исследований 1970-х гг. были подробно освещены в статьях [Богомолов, 1977, 1978а, 1978б, 1979, 1987; Богомолов, Соболев, 1981; Богомолов, Томилов, 1973]. В частности, показаны контакты с этническими группами, которые оказали наибольшее влияние на искусство тарских татар. В статье об орнаменте барабинских татар омский этнограф отразил многообразие технических приемов и орнаментальных мотивов, изменяющихся в зависимости от материала, из которого изготовлено изделие, впервые предпринял попытку структурировать типы орнамента. Было выделено 10 типов, объединенных в три комплекса, каждый из которых связан с определенными материалами, техническими приемами, мотивами и несет информацию о различных периодах этнической истории [Богомолов, 1979, с. 206]. Эта структуризация позволила исследователю выявить общие признаки орнамента барабинских

татар, основные мотивы, сделать вывод о времени складывания преобладающих орнаментальных комплексов и проследить этногенетические связи исходя из анализа этих комплексов.

Ф.М. Буреева, ученица Н.А. Томилова, в 2001 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Орнамент тарских татар конца XIX–XX вв. (к проблеме этнокультурной истории)». В 2011 г. вышла в свет обобщающая работа, которая содержит материалы диссертации [Буреева, 2011]. В ней впервые рассмотрено искусство коренного тюркоязычного населения Тарского Прииртышья, к которому были отнесены предметы домашнего обихода, ювелирные украшения, одежда, оружие, снаряжение, оформление архитектурного интерьера и фасада.

Различные аспекты искусства тарских татар освещены в ряде статей [Буреева, 2005, 2006, 2008, 2009а, 2009b]. В одной из них [Буреева, 2006] выполнен анализ орнаментированных полотенец. С привлечением этнографических материалов сделана попытка реконструировать орнаментальный комплекс коренного тюркоязычного населения Тарского Прииртышья конца XIX — начала XX в. Исследователь рассмотрела композиционный и технический декор тарских полотенец, показала его соответствие узорам изделий русского и поволжско-татарского населения [Там же, с. 57]. Работы Ф.М. Буреевой (как и многих других авторов), за исключением одной статьи [Буреева, 2009b], построены главным образом на этнографическом материале.

Первые археолого-этнографические исследования орнамента сибирских татар проведены в 1980-е гг.: были предприняты попытки сопоставления декора керамических сосудов позднесредневековой Барабы с этнографическим материалом [Молодин и др., 1990]. Средневековые памятники коренных жителей Барабы (барабинских татар, южных хантов и селькупов) характеризуются большим количеством предметов, но их распределение в комплексах, которые можно увязать с конкретными этническими группами, неравномерно. В ходе анализа керамического материала авторы выделили 44 элемента орнамента и выявили характерные черты оформления различных частей сосуда. Количественное сравнение элементов орнамента на разных частях сосуда позволило проследить сходство и различие между наиболее изученными памятниками, ведущие элементы орнамента.

Сведения об орнаменте встречаются в отдельных публикациях: например, в статье С.Ф. Татаурова и С.С. Тихонова о могильнике Бергамак II говорится об орнаментации керамики, украшений и оружия [1996]. В монографии «Нижнетарский археологический микрорайон» [2001] раздел Л.В. Татауровой посвящен керамическому комплексу позднего средневековья — нового времени. Большая часть татарской посуды происходит с поселения Бергамак III и могильника Бергамак II XVII–XVIII вв., оставленных группой тарских татар [Там же]. Определенный вклад в изучение вопросов о керамике татар внесли А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров. Ими проведена дискуссия о правомерности использования термина «татарская керамика». На основании анализа материалов многочисленных комплексов XIV–XVI вв. Среднего Прииртышья, Приишимья, Притоболья, Притомья и Барабы был сделан вывод о схожести орнаментальных мотивов керамики этих комплексов [Матвеев, Татауров, 2013, с. 233].

Несмотря на то что по орнаментам коренных народов Сибири была создана обширная фактическая база для исследований, многие материалы до сих пор остаются не введенными в научный оборот. Речь идет о коллекциях археологических памятников Омского Прииртышья и Барабинской лесостепи, представленных керамикой и украшениями, этнографических источниках барабинских и тарских татар. Исследователи, работавшие с археологическим материалом, не приводили практически никаких данных по этноидентификации археологических комплексов. Определенный сдвиг в этом направлении сделан только Л.В. Татауровой [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001]. Нерешенный вопрос об этнической принадлежности археологических памятников и коллекций значительно затрудняет выделение татарских компонентов орнамента. Возможным это представляется только при анализе и сопоставлении комплекса археологических и этнографических источников. Вопрос о формировании орнамента барабинских и тарских татар до сих пор остается открытым, так как материалы XVII–XVIII вв. (т.е. археологические) затронуты мало. С конца XX в., в силу проведения раскопок, такая возможность появилась.

Методы

Для выявления характерных черт орнаментики, которая бытует в пределах крупных этнических объединений, обнаруживая при этом значительные этнические и этногрупповые вариации, наиболее приемлемым представляется системный подход, ориентированный на раскрытие целостности объекта и на упорядочение связей, обеспечивающих эту целостность. Этническая специфика в орнаментальном искусстве рассмотрена с учетом характера связи между признаками.

Орнамент тарских и барабинских татар: археолого-этнографический анализ

При обработке материалов использовался сравнительно-исторический метод, который предполагает выяснение внутренних процессов в развитии орнамента; определение в нем изменений, происходящих под воздействием внешних факторов; изучение распространения орнамента конкретного вида и отдельных мотивов; сравнительное изучение орнаментов тюркоязычных народов, проживающих на сопредельных территориях. Объединить множество, части и синтезировать целое позволяет метод систематизации. В нашем исследовании в качестве целого предстает процесс развития орнаментальных традиций, каждому этапу которого соответствуют определенные этнокультурные взаимосвязи. Возможности предлагаемого методического инструментария помогают обеспечить необходимую глубину проработки основных аспектов поставленных целей и задач.

Цель данного исследования состоит в выделении орнаментальных элементов, формировании ядра орнамента у барабинских и тарских татар и рассмотрении судьбы этих элементов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) выделить наиболее древние элементы, которые легли в основу татарского орнамента;
- 2) проследить новации в орнаменте и их источник;
- 3) проанализировать различия в орнаменте барабинских и тарских татар.

Источники

Были использованы два вида источников:

1. *Археологические*: материалы памятников XVII–XVIII вв. Они представлены орнаментированными керамической посудой и украшениями с памятников Омского Прииртышья и Барабинской лесостепи, которые хранятся в МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского и Новосибирском государственном краеведческом музее. Материалы получены в результате экспедиций омских и новосибирских ученых. Для исследования мы выделили базовые памятники: Черталы I (Б.В. Мельников), Бергамак III (С.Ф. Татауров), Надеждинка VII (С.Ф. Татауров), Большой Чуланкуль I (В.И. Соболев), Чиняиха (В.И. Соболев), Абрамово IV (М.А. Чемякина).

2. *Этнографические* материалы, которые датируются главным образом концом XIX — XX в. Незначительное число музейных экспонатов относится к концу XVIII — третьей четверти XIX в. Сведения по материальной и культурной истории барабинских и тарских татар были собраны экспедициями под руководством этнографов Н.А. Томилова, В.Б. Богомолова, С.Н. Корусенко и др. Материалы хранятся в МАЭ ОмГУ.

Экспедиционные источники дополнены *музейными коллекциями*. Мы использовали коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея, где представлены орнаментированные предметы барабинских татар, и предметы из Большереченского историко-этнографического музея, принадлежащие тарским татарам.

Все орнаментированные предметы условно можно разделить на *следующие группы* по половозрастному и видовому критерию:

Группа 1 — мужские и женские головные уборы. Мужские головные уборы барабинских и тарских татар представлены тюбетейками (3-23, 3-12, ОФ-20998/4 из Новосибирской области и 2-14, 1-29 из Большереченского района Омской области). В эту же группу мы включаем мужскую тюбетейку, хранящуюся в Большереченском историко-этнографическом музее. Женские головные уборы включают в себя семь предметов. Они представлены несколькими видами: калфак, сарауц, платок и шаль. В нашем распоряжении есть два калфака (2-1 и 2-2), сарауц 1-84 тарских татарок из МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, два головных убора «калфак» и платок тарских татарок из Большереченского историко-этнографического музея, а также женская шаль 17644/81 барабинских татарок из фонда одежды Новосибирского государственного краеведческого музея.

Группа 2 — наиболее многочисленная — мужская и женская одежда. Три женских платья, камзол и нагрудник тарских татар из Большереченского историко-этнографического музея. Большим разнообразием отличается одежда барабинских татар: безрукавка «камзол» 19-29 из МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, экземпляры из Новосибирского государственного краеведческого музея: женская крытая шуба ОФ-10990, жилет-камзол из бархата ОФ 19550/10, атласный женский камзол ОФ 20503-5, женская нательная рубашка ОФ 20503-7, женский костюм барабинских татарок.

Две следующие группы — детская одежда и обувь — немногочисленны. В МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского хранится детская рубашка 13-18, происходящая из Тарского района Омской области. Необходимо принять во внимание тот факт, что детской одежды в фондах музеев оседает

мало, она редко сохраняется в семьях информаторов. Обувь тарских и барабинских татар представлена двумя парами женских сапог из Большереченского района Омской области, женскими сапогами ОФ 17458-1,2 кустарного производства, сапогами ОФ 20998-3 и ОФ 20998-11 фабричного производства, хранящимися в Новосибирском государственном краеведческом музее.

Последняя группа — украшения. У барабинских татар они представлены бляшкой (3-6), браслетом (3-2), серьгами (3-4, 3-5, 3-32, 3-7), кольцами (3-10, 3-11), у тарских татар — браслетом (1-88), серьгами (2-55), пуговицей (1-90) и наконсницей (1-87). Эта группа дополнена бусами ОФ 17428/2 из Новосибирского государственного краеведческого музея.

Изученные нами этнографические и археологические коллекции обладают определенным сходством: в элементах, мотивах и композиции, в зональности орнамента. Поэтому важным является выделение наиболее устойчивых, традиционных элементов, которые могут быть соотнесены с барабинскими и тарскими татарами, а также определение их изначальной принадлежности орнаментальному комплексу или же заимствования у народов, имевших тесный контакт с этими группами.

Результаты

Первоначально мы выделили элементы особо для каждого комплекса предметов тарских и барабинских татар: археологического и этнографического — и на основе этого составили общие таблицы, которые помогли проследить сходство и различие орнамента этих групп (табл. 1, 2). На предметах из этнографических коллекций нами выделены 23 элемента. Часть элементов представлена в одинаковом количестве у барабинских и тарских татар. Это свидетельствует о том, что они были привнесены в их орнаментальное творчество в ходе прямых контактов и заимствований друг у друга или у других народов. В данную группу (табл. 1, эл. 1, 4–5, 8, 15, 18, 21) мы включили линии (каннелюры), прямоугольники, завитки, изображения цветов, ромбы, кресты и овалы. Общие элементы в основном представлены мотивами геометрического характера.

Орнаментальное искусство барабинских татар отличает использование волнистых линий (34,7 %), роговидных элементов (17,3 %). Для их орнаментики больше характерен геометризм. Он представлен не только простыми фигурами (круги), но и шестиугольниками, элементами вроде «песочных часов», линий с петлями (табл. 1, эл. 9–10, 12, 16). Эти три элемента не встречаются у тарских татар. Растительные мотивы не были сильно распространены у барабинцев, что подтверждается данными таблицы:

- листья и стебли — по 13,1 % (табл. 1, эл. 6–7);
- бутоны цветов — 4,3 % (табл. 1, эл. 11);
- лианы — 13,1% (табл. 1, эл. 14);
- лепестки цветов — 4,3% (табл. 1, эл. 20).

Рогообразные мотивы, часто встречающиеся в искусстве тюркских и монгольских народов, выполнены на коже, войлоке, ткани и имеют место в резьбе по дереву у барабинских татар (табл. 1, эл. 19). У барабинских татар простые геометрические фигуры в виде треугольников, зигзагов, крестов, ромбов и кругов входили в состав сложных орнаментальных узоров в виде бордюров или розеток. Орнамент тарских татар отличается от барабинского. Для него характерно большее использование растительных мотивов. Цветки в орнаменте тарских татар составляют 47,6 %, листья — 28,5 %, стебли — 33,3 %, бутоны, лианы и лепестки цветов — по 23,8 % (табл. 1, эл. 5–7, 11, 14, 20). Цветочные узоры из названных мотивов характерны для орнаментации узорных ичигов, полотенец, скатертей, покрывал, головных уборов тарских татар. Чаще, чем у барабинцев, у тарских татар встречаются зигзагообразные линии, вертикальные прямые линии (табл. 1, эл. 2–3, 13). Выделяются прямолинейные мотивы в виде квадратов и сердец (табл. 1, эл. 22). Украшение тюбетеек и обуви розетками, волнистыми линиями и сердечками аналогично декору мужских головных уборов народов Средней Азии. Однако волнистые линии на тюбетейках являются чертой, отличающей тюрко-татарские головные уборы от среднеазиатских. Отметим, что 6 элементов из 23 встречаются только у одной из этнических групп сибирских татар: это песочные часы, шестиугольники, линии с петлями у барабинцев (табл. 1, эл. 9, 12, 16) и сердца, космогонические мотивы, вертикальные линии — у тарских татар (табл. 1, эл. 13, 22–23). Значительное сходство орнаментальных элементов у барабинских и тарских татар можно объяснить тем, что в XIX–XX вв. наблюдалось увеличение культурной однородности у всех групп сибирских татар. Это происходило в результате контактов с соседними коренными народами Сибири и Северного Казахстана, существенным возрастанием объема

Орнамент тарских и барабинских татар: археолого-этнографический анализ

взаимоотношений в Западной Сибири татар с русскими и другими народами в результате переселения в Сибирь из европейской части Российской империи.

Таблица 1

Элементы орнамента барабинских и тарских татар (по этнографическим материалам), %

Table 1

Elements of ornament of Baraba and Tara Tatars (on ethnographic materials), %

№ элемента	Элемент	Барабинские татары	Тарские татары
1		60,8	57,1
2		8,6	23,8
3		34,7	19,1
4		13,1	9,5
5		34,7	47,6
6		13,1	28,5
7		13,1	33,3
8		13,1	14,2
9		8,6	0
10		17,3	4,7
11		4,3	23,8
12		4,3	0
13		0	9,5
14		13,1	23,8
15		4,3	14,2
16		4,3	0
17		4,3	14,2
18		4,3	4,7
19		17,3	9,5
20		4,3	23,8
21		4,3	9,5
22		0	14,2
23		0	4,7

Отличия наблюдаются в орнаменте тарских и барабинских татар и в археологическое время (XVII–XVIII вв.). В результате описания и анализа керамики и украшений мы выделили 40 элементов орнамента (табл. 2). Данные таблицы показывают разнообразие декора у тарских татар по сравнению с барабинцами, хотя керамическая посуда и украшения обеих этнических групп в основном всегда были орнаментированы. Изделия без орнамента встречаются в единичных случаях.

Наибольшей представительностью отличаются элементы орнамента, характеризующие керамический комплекс посуды татарского типа Надеждинки VII, Бергамака III, Черталы I (памятников, этнически соотносимых с тарскими татарами): это овальные оттиски, вертикальные оттиски, выполненные гребенчатым штампом, наклонные оттиски, выполненные гладким и гребенчатым штампом, «елочка», выполненная гребенчатым штампом, и «уточка» (табл. 2, эл. 6, 12, 15–16, 19–20, 22). Птички (или «уточки») в керамике в более позднее время могли изображаться на деревянных наличниках. В целом они характерны для мира ислама и выполняли охранительные функции. Овальные (или семечковидные) вдавления (табл. 2, эл. 6) — один из наиболее часто встречаемых (26,8 %) элементов на поселении Бергамак III, реже (10,9 и 6,5 %) дополняет орнаментацию сосудов на Черталах I и городище Надеждинка VII. Этот элемент встречается в археологических материалах, но с течением времени, видимо, был утерян и в этнографических материалах не фиксируется.

Элементы орнамента барабинских и тарских татар (по археологическим материалам), %

Table 2

Elements of ornament of Baraba and Tara Tatars (on archaeological materials), %

№ элемента	Элемент	Бергамак III	Надеждинка VII	Черталы I	Большой Чуланкуль I	Абрамово IV	Чиняиха
1		2,7	0	7,2	26,3	20	14,7
2		30,3	41,1	47,2	38,3	13,3	29,4
3		2,7	0,5	16,3	7,5	0	0
4		7,5	1,2	1,8	31,5	0	0
5		0,7	4,2	7,2	26,7	13,3	8,8
6		26,8	6,5	10,9	23,2	6,6	2,9
7		0,7	4,2	0	0	0	0
8		4,1	8,3	34,5	0	0	0
9		11	17,3	12,7	11,6	53,3	0
10		1,4	0,5	0	6,1	0	5,8
11		2,1	0	0	0	0	2,9
12		1,4	8,9	7,2	7,5	6,6	17,6
13		2,7	3,6	3,6	5,4	13,3	0
14		0	5,3	3,6	5,4	0	0
15		11,7	22	27,2	16,4	0	29,4
16		8,9	5,9	12,7	3,4	0	8,8
17		1,4	2,9	3,6	8,9	13,3	0
18		4,8	2,4	0	1,4	6,6	0
19		24,8	4,7	7,2	0	0	17,6
20		12,4	2,4	3,6	14,4	0	0
21		0,7	1,7	0	0	0	0
22		6,2	4,7	0	9,5	0	0
23		0	2,9	0	0	0	0
24		0,7	11	0	2,1	0	0
25		0	4,7	3,6	2,1	0	0
26		4,1	2,9	3,6	0	0	0
27		0	2,4	1,8	0	0	0
28		0	1,7	0	0	0	0
29		1,4	0	1,8	0	6,6	0
30		3,4	0	0	0	0	0
31		1,4	1,7	0	0	0	0
32		0,7	0	1,8	0	0	0
33		0,7	0	0	0	0	0
34		0,7	0	0	0	0	0
35		0,7	0	1,8	0	0	0
36		0	0	1,8	0	0	0
37		2,1	0	1,8	0	0	0
38		0	0	0	2,1	0	0
39		0	0	0	2,1	0	0
40		0	0	0	5,4	0	0

Орнамент тарских и барабинских татар: археолого-этнографический анализ

Многие элементы археологического комплекса в силу каких-либо причин утрачены в орнаментальном творчестве тарских татар в последней четверти XVIII — XX в. (не прослеживаются на предметах, собранных в ходе этнографических экспедиций). К ним относятся:

Вертикальные оттиски гребенчатого штампа (табл. 2, эл. 12) распространены на Надеждинке VII — 8,9 %, Бергамаке III — 1,4 %, Черталах I — 7,2 %.

Наклонные оттиски гребенчатого штампа (табл. 2, эл. 15) присутствуют на Бергамаке III — 11,7 %, Надеждинке VII — 22 %, Черталах I — 27,2 %.

В количественном плане реже отмечены такие элементы, как наклонные оттиски гладкого штампа (табл. 2, эл. 16): 5,9 % на Надеждинке VII, 8,9 % на Бергамаке III, 12,7 % на Черталах I.

«Елочка», выполненная гребенчатым штампом (табл. 2, эл. 19), часто применялась для орнаментации посуды: Бергамак III — 24,8 %, Надеждинка VII — 4,7 %, Черталы I — 7,2 %.

«Елочка» (горизонтальная и вертикальная), выполненная гладким орнаментиром (табл. 2, эл. 20–21), составляет на Бергамаке III 13,1 %, на Надеждинке VII — 4,1 % и на Черталах I — 3,6 %.

Элементы в виде «елочки» и контурных линий отличаются архаичностью (табл. 2, эл. 9, 19–21). Эти орнаментальные мотивы находят аналогии в материалах потчевашской, саргатской и других археологических культур. Они характерны для предметов из дерева (например, прялок) и соотносятся с народами угорской группы. Наклонные и прямые оттиски, выполненные гребенчатым и гладким штампом, находят аналогии в декоре берестяных изделий (туесов), на которые переносились наклонные и прямые швы [Богомолов, 1987; Богомолов, Мельников, 1997].

«Жемчужины» (табл. 2, эл. 8) встречаются только на керамике и украшениях тарских татар, у них они распространены довольно часто: на Бергамаке III — 4,1 %, на Надеждинке VII — 8,3 %, на Черталах I — 34,5 %, но в этнографически обозреваемое время использование элемента практически сошло на нет. Из 39 элементов орнамента 13 встречаются примерно одинаковое количество раз на керамике и украшениях, соотносимых с тарскими и барабинскими татарами. Это различного рода линии, геометрические фигуры (табл. 2, эл. 2, 4–5, 8–10, 13–14, 17–18, 24, 26–32, 35–36, 39). К ним относятся ямки (круги), вдавления овальной формы, каннелюры, горизонтальные прямоугольные оттиски, вертикальные оттиски, волнистые, зигзагообразные, пунктирные линии, кресты, ромбы, овалы, «елочка», выполненная гладким штампом.

В количественном соотношении наиболее репрезентативными являются:

— ямки или круги (табл. 2, эл. 2): 30,3 % на Бергамаке III, 41,1 % на Надеждинке VII, 47,2 % на Черталах I, 38,3 % на Большом Чуланкуле I, 29,4 % на городище Чиняиха, 13,3 % на Абрамово IV.

— каннелюры (табл. 2, эл. 9) — составляют на Бергамаке III 11 %, на Надеждинке VII — 17,3 %, на Черталах I — 12,7 %, на Большом Чуланкуле I — 11,6 %, на Абрамово IV — 53,3 %.

Зигзагообразные линии (табл. 2, эл. 17) отличаются вариантами оформления на различных предметах: на керамике они могут быть выполнены с помощью гребенчатого штампа или в виде пунктирных линий. На Бергамаке III зигзаги составляют 1,4 %, на Надеждинке VII — 2,9 %, на Черталах I — 3,6 %, на Большом Чуланкуле I — 8,9 %, на Абрамово IV — 13,3 %.

Овальные вдавления (табл. 2, эл. 6) составляют 26,8 % на Бергамаке III, 6,5 % — на Надеждинке VII, 10,9 % — на Черталах I, 23,2 % — на Большом Чуланкуле I, 6,6 % — на Абрамово IV и 2,9 % — на Чиняихе.

Следующий ряд элементов (табл. 2, эл. 13, 14, 18, 31) присутствуют на небольшом количестве изделий тарских и барабинских татар. Однако следует принимать во внимание распространенность этих мотивов в орнаментальном творчестве многих народов сопредельных территорий. К ним относятся:

— вертикальные насечки (табл. 2, эл. 13) — на Бергамаке III 2,7 %, Надеждинке VII — 3,6 %, Черталах I — 3,6 %, Большом Чуланкуле I — 5,4 %, Абрамово IV — 13,3 %.

— волнистые линии (табл. 2, эл. 14) — 5,3 % на Надеждинке VII, 3,6 % — на Черталах I, 5,4 % — на Большом Чуланкуле I. Этот элемент часто применялся для украшения изделий в XIX–XX вв.: волнистые линии могли выполняться в виде пунктира.

— кресты (табл. 2, эл. 18) — органично вписываются в орнаментальные композиции как керамических сосудов XVII–XVIII вв. (4,8 % на Бергамаке III и 2,4 % на Надеждинке VII), так и ювелирных изделий и пряслица (1,4 % на Большом Чуланкуле I и 6,6 % на Абрамово IV).

Для орнамента и декора барабинских и тарских татар XVII–XVIII вв. характерны разные традиции. Барабинцы чаще наносили на венчик, шейку, плечико и стенки сосудов косые насечки, ямочные, треугольные, аморфные, каплевидные, овальные вдавления, насечки, образующие горизонтальную «елочку». Они использовали гребенчатый и гладкий штампы, с помощью которых выполняли «елочку».

ку», прямые и наклонные горизонтальные или вертикальные пояски, прямопоставленные насечки. Отличительной чертой орнаментики барабинцев является использование фигурного штампа, с помощью которого создавались треугольные, овальные, круглые, аморфные и каплевидные вдавления. Керамический комплекс позволяет установить связь предков татар Барабы с угорским и тюркским миром.

Керамический материал с памятников тарских татар отличается разнообразием оформления и насыщенностью орнаментации (выделено 33 элемента). Характерной чертой является использование гребенчатого и гладкого штампов. Они применялись для создания узоров из «елочки», прямых и наклонных горизонтальных или вертикальных поясков. Аналогичными в данных комплексах являются такие мотивы, как ямки (округлые и полукруглые) и «жемчужины» (нанесенные чаще всего на шейку), «уточки», «змейки», овальные вдавления.

Некоторые мотивы различны, другие, наоборот, сходны или полностью совпадают. Это сходство возникает по ряду причин: в одних случаях оно обнаруживается в пределах родственных по языку народов, в других — у народов, проживающих в соседстве друг с другом.

Отличающиеся многообразием форм цветки встречаются на ювелирных изделиях поселения Бергамак III (1,4 %) и на браслете из Черталов I. Более распространенными они становятся в орнаменте барабинских и тарских татар в XIX–XX вв. Так же обстоит с элементами, представляющими собой стебли, листья, лепестки цветков (табл. 1, эл. 6–7, 20).

Ромбические узоры украшают поверхность керамических сосудов, женских и мужских головных уборов, детской одежды. Данный мотив дополняет декор других изделий из ткани, в частности полотенца из Новосибирского государственного краеведческого музея. При тканье ромбические мотивы образуют бордюр с горизонтальным ритмом и подразделяются на широкие основные и узкие окаймляющие. Аналогичные узоры в виде ромбов присутствуют в русской орнаментике, но здесь они приобретают несколько иной характер. Вышитый набором геометрический орнамент на русских полотенцах редко бывает самостоятельным и обычно полосами сопровождается основной сюжетный или растительный узор [Рындина, 1995, с. 499].

Геометрические орнаменты могут быть связаны с доандроновской и андроновской традициями. В основе узоров андроновцев лежит зигзаг. В Прииртышье черты традиций андроновидных культур прослеживаются в обско-угорской орнаментике. Здесь они отличаются устойчивостью, выступая основными узорами в вышивке южных хантов, послуживших одним из компонентов в формировании этноса барабинских татар [Там же, с. 378]. Зигзаги присутствуют в орнаментальных композициях на мужских тюбетейках, женских сарауцах, подвесках и браслетах. На керамических сосудах зигзаги образуют композиции с ямками и другими элементами, заполняющими их поверхность.

Наибольшее сходство в орнаментальном искусстве барабинские и тарские татары имеют с казанскими татарами, декору которых свойственна букетная композиция. Отличительной особенностью изделий барабинских, тарских и казанских татар выступает окаймляющий бордюр, образованный швом «козлик» (у тарских татар ярким примером выступает орнамент на детской рубашке). Он выполняет в этом случае двойную функцию — декоративную и практическую.

Рассмотрев элементы, следует обратиться к зональности орнамента и некоторым композициям, обладающим соответствием в этнографических и археологических коллекциях барабинских и тарских татар. Их керамические сосуды, одежда и отчасти украшения характеризуются не только сходными декоративными мотивами и стандартами оформления, но и разделением поверхности на самостоятельные орнаментальные зоны. Зональность проявляется и в том, что для каждой части сосуда или одежды характерно преобладание тех или иных элементов. Есть варианты, когда предметы декорированы полностью, и такие, в которых орнаментом украшены лишь отдельные части (венчик сосуда и верх тюбетейки, воротник рубашки). В последнем случае показательным является украшение тесьмой камзолов и кафтанов по воротнику и подолу, сходная традиция прослеживается в орнаментации венчиков керамических сосудов.

Сочетание различных элементов помогает дополнить представления об орнаментальном творчестве барабинских и тарских татар. Одной из базовых композиций выступает сочетание каннелюр и ямок или каннелюр и «жемчужин» на сосудах с памятников Надеждинка VII и Бергамак III, сочетание каннелюр и бисера на мужских тюбетейках татар, а также каннелюр и пуговиц на камзолах.

Многие орнаментальные композиции керамических сосудов в несколько измененном виде впоследствии были перенесены в декор головных уборов, одежды и украшений. Сходные орнаментальные композиции из мотивов растительного характера были встречены нами на мужской тюбетейке барабинских татар и браслете из Черталов I. Они представляют собой сочетание различных видов цветков, соединенных друг с другом лианами или другими цветами меньшего размера.

Орнамент тарских и барабинских татар: археолого-этнографический анализ

Интересен декор детской рубашки тарских татар и фрагментов керамики из городища Надеждинка VII. В обоих случаях ряд ромбов (на керамике ромбы разделены линиями на четыре части, а на рубашке в одном ромбе располагается другой) ограничен сверху и снизу линиями или другими элементами.

На основании вышеизложенного можно согласиться с Ф.М. Буреевой и выделить несколько этапов в развитии орнаментики. Это такие этапы, как: существование простейших геометрических мотивов — прямая и наклонная линии, «елочка», ромб, уголок, крест, прямоугольники и квадраты; появление усложненных ромбов; распространение криволинейных геометрических мотивов — бегущая волна, волнистая линия с завитками, сердечки, пальметты, рогообразные мотивы; распространение растительных мотивов, привнесенных переселенцами из Средней Азии и татарами Поволжья; появление орнито-, антропо- и зооморфных изображений, восьмиконечных розеток, шапечных ромбов, надписей, ряда геометрических фигур под влиянием культуры русского населения.

В результате сравнения орнамента и декора двух групп сибирских татар нами было прослежено значительное сходство (оно проявляется как в археологически обозреваемое время, так и в XIX–XX вв.). Этнокультурные, социальные, семейно-брачные отношения, постоянные политические и военные действия, переселения на территорию друг друга определяли заимствование культурных черт.

В то же время культура барабинских и тарских татар имела отличия, которые были обусловлены их этнокультурными контактами. У тарских татар это проявляется в большем использовании гребенчатого штампа. Их посуда отличалась разнообразием композиций элементов. Керамика барабинских татар, наоборот, украшалась в основном вдавлениями, фигурный штамп они использовали чаще, чем гладкий и гребенчатый.

В этнографически обозреваемое время орнаментальное искусство барабинских татар отличается использованием волнистых линий, роговидных элементов. Их орнаментике больше присущ геометризм (простые фигуры и сложные элементы). Для орнамента тарских татар, наоборот, характерно использование растительных мотивов. Узоры растительного происхождения использовались в вышивке на одежде. Чаще, чем у барабинцев, встречаются зигзагообразные линии, вертикальные прямые линии. Выделяются прямолинейные мотивы в виде квадратов и сердеч.

В целом рассмотренный орнаментальный комплекс барабинских и тарских татар раскрывает весьма сложную картину этногенеза народа и формирования его орнамента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богомолов В.Б.* Новые материалы по орнаменту тарских татар // Материалы III отчетной научно-методической конференции Омского государственного университета. Омск, 1977. С. 189–190.
- Богомолов В.Б.* Орнамент барабинских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978а. С. 123–136.
- Богомолов В.Б.* Орнамент тарских татар // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978b. С. 159–171.
- Богомолов В.Б.* Орнамент барабинских татар как исторический источник // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1979. С. 205–212.
- Богомолов В.Б.* Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 113–136.
- Богомолов В.Б., Мельников Б.В.* Изделия из бересты у населения XVII–XVIII вв. бассейна р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1997. Т. 2. С. 58–67.
- Богомолов В.Б., Соболев В.И.* Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 129–132.
- Богомолов В.Б., Томилов Н.А.* К проблеме этногенеза и этнокультурных связей сибирских татар (по материалам орнаментов томских и барабинских татар) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1973. С. 129–131.
- Буреева Ф.М.* Образы и символы древних и традиционных культур Сибири в современном творчестве // Архаика и современное искусство. Голоса территорий: Материалы открытой дискус. каф. Омск: Наука, 2005. С. 13–17.
- Буреева Ф.М.* Орнаментированное полотенце тарских татар из собрания Омского государственного историко-краеведческого музея // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2006. С. 54–58.
- Буреева Ф.М.* Орнаментированные полотнища тарских татар из коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея // Декабрьские диалоги. Омск: Наука, 2008. Вып. 11. С. 137–140.
- Буреева Ф.М.* Ковроделие тарских татар // Декабрьские диалоги. Омск: Наука: Изд-во ОмГПУ, 2009а. Вып. 12. С. 67–72.
- Буреева Ф.М.* Орнамент тарских татар: К проблеме археолого-этнографических сопоставлений // Сборник научных трудов Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. Омск: Наука: Изд-во ОмГПУ, 2009b. С. 49–54.

Буреева Ф.М. Орнамент тарских татар конца XIX — XX веков: К проблеме этнокультурной истории. Омск: Омскбланкиздат, 2011. 144 с.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. «Татарская керамика» Западной Сибири: Проблема соотношения керамической традиции с конкретным этнокультурным образованием // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2013. С. 229–239.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.Н. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Нижнетарский археологический микрорайон / В.И. Матющенко (отв. ред.). Новосибирск: Наука, 2001. 252 с.

Рындина О.М. Орнамент // Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 3. 639 с.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума: Культура тарских татар. Новосибирск: Наука, 1996. Т. 1. С. 58–83.

Томилов Н.А. Изучение этногенеза сибирских татар в советской литературе: (К вопросу об угорском и самодийском компонентах) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973а. С. 132–134.

Томилов Н.А. О некоторых этногенетических и историко-культурных связях барабинских татар (по данным материальной культуры) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во ТГУ, 1973б. С. 171–174.

Томилов Н.А. О тюркском компоненте в составе сибирских татар // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 134–138.

Томилов Н.А. Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 88–95.

Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 201 с.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 274 с.

Томилов Н.А. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск, 1987. 80 с.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI — начала XX в. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 271 с.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. 222 с.

Istomina Yu.A.

Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve "Starina Sibirskaya"
Sovetov st., 29, Omsk region, Bolsherechye, 646670, Russian Federation
E-mail: lebedevajulia1994@yandex.ru

The ornament of Tara and Baraba Tatars: archeological and ethnographic analysis

The article concerns the ornament of the Turkic-speaking population of Western Siberia, namely, the Baraba and Tara Tatars. They represent local groups of Siberian Tatars and live in the territory of modern Novosibirsk and Omsk Regions. The issue of the development of the ornament of the Baraba and Tara Tatars is still open, as the materials of the 17th–18th centuries have yet been little touched upon. Since the end of the 20th century, due to the excavations, such opportunity has presented itself. The objective of this study is to identify ornamental elements, to form a core of the ornament for the Baraba and Tara Tatars, and to consider what became of these elements. Two types of sources were used in the study: archaeological and ethnographic. The archaeological materials are represented by the ornamented ceramics and decorations from the monuments of the Omsk Irtysh and Barabinsk forest-steppe of the 17th–18th centuries. The ethnographic materials date mainly to the end of the 19th–20th centuries and include headdresses, clothes, shoes, and jewelry. We identified elements separately for each complex of objects of the Tara and Baraba Tatars, viz., archaeological and ethnographic, and, based on this, general tables were composed. The objective of the compilation was to identify similar ornamental base, which made it possible to identify common elements inherent to the Baraba and Tara Tatars, and elements specific to only one group. As a result, significant similarity in the elements, motifs, zonality, and composition were observed. This similarity appears within the archaeologically recorded time and in the 19th–20th centuries. Ethnocultural, social, family-marital relations, political and military actions, and migration to each other's territory were determining assimilation of the cultural traits. Meanwhile, the cultures of the Baraba and Tara Tatars had differences, which were due to their ethnocultural contacts. In the case of the Tara Tatars, this is manifested in a wider use of combed stamps. Their crockery featured a variety of compositions of the elements. Ceramics of the Baraba Tatars, on the contrary, was decorated with impressions and figured stamps. In the 19th–20th centuries, the ornament of the Baraba Tatars is distinguished by the use of wavy lines and corniform elements. Their ornamentation is characterized by geometrization (simple figures and complex elements). The ornament of the Tara Tatars is characterized by the use of floral motifs.

Key words: Western Siberia, Siberian Tatars, XVII–XX centuries, analysis, ornament, element, composition.

REFERENCES

- Bogomolov V.B. (1977). New materials on the ornament of Tara Tatars. In: *Materialy III otchetnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. Omsk, 189–190. (Rus.).
- Bogomolov V.B. (1978a). Ornament of the Baraba Tatars. In: *Etnografiia narodov Altaia i Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 123–136. (Rus.).
- Bogomolov V.B. (1978b). Ornament of Tara Tatars. In: *Etnokul'turnye iavleniia v Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 159–171 (Rus.).
- Bogomolov V.B. (1979). Ornament of the Baraba Tatars as a historical source. In: *Etnogenez i etnicheskaia istoriia tiurkoiazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Omsk: OmGU, 205–212. (Rus.).
- Bogomolov V.B. (1987). Products from the birch bark of the Baraba Tatars. In: *Problemy proiskhozhdeniia i etnicheskoi istorii tiurkskikh narodov Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 113–136. (Rus.).
- Bogomolov V.B., Mel'nikov B.V. (1997). Products from birch bark in the population of XVII–XVIII centuries basin of the Tara River. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma*. T. 2. Novosibirsk: Nauka, 58–67. (Rus.).
- Bogomolov V.B., Sobolev V.I. (1981). Ornament in the ethnographic and archeological complex of the Baraba Tatars. In: *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 129–132. (Rus.).
- Bogomolov V.B., N.A. Tomilov. (1973). To the problem of ethnogenesis and ethno-cultural relations of Siberian Tatars (on the materials of ornaments of Tomsk and Baraba Tatars). In: *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 129–131. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2005). The imagery and symbols of ancient and traditional Siberian cultures in contemporary art. In: *Arkhaika i sovremennoe iskusstvo. Golosa territorii: materialy otkrytoi diskus. kaf.* Omsk: Nauka, 13–17. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2006). Ornamented towel of the Tara Tatars from the collection of the Omsk State Museum of Local History. In: *Trudy po arkheologii i etnografii OGIK muzeia*. Omsk: Izd-vo OGIK muzeia, 54–58. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2008). Ornamented canvases of Tara Tatars from the collection of the Omsk State Historical and Local Lore Museum. *Dekabr'skie dialogi*, (11), 137–140. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2009a). Carpet-making of Tara Tatars. *Dekabr'skie dialogi*, (12), 67–72. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2009b). Ornament of Tara Tatars: to the problem of archeological and ethnographic comparisons. In: *Sbornik nauchnykh trudov Omskogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv im. M.A. Vrubelia*. Omsk: Nauka: Izd-vo OmGPU, 49–54. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2011). *Ornament of Tara Tatars of the end of XIX — XX centuries: To the problem of ethnocultural history*. Omsk: Omskblankizdat. (Rus.).
- Matiushchenko V.I. (Ed.). (2001). *Nizhnetarskiy archeological district*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveev A.V., Tataurov S.F. (2013). “Tatar ceramics” of Western Siberia: The problem of correlation of the ceramic tradition with the specific ethnocultural education. In: *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale*. Cheliabinsk: Rifei, 229–239. (Rus.).
- Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.N. (1990). *The Baraba in the late Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Ryndina O.M. (1995). Ornament. In: *Essays on cultural genesis of Western Siberian peoples*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Tataurov S.F., Tikhonov S.S. (1996). Burial Ground Bergamak II. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma: Kul'tura tarskikh tatar*. T. 1. Novosibirsk: Nauka, 58–83. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1973a). Study of the ethnogenesis of Siberian Tatars in the Soviet literature (to the question of the Ugric and Samoyed components). In: *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 132–134. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1973b). About some ethnogenetic and historical-cultural relations of Baraba Tatars (according to material culture data). In: *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh iazykov*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 171–174. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1976). About the Turkic component of the Siberian Tatars. In: *Iazyki i toponimiia*. Tomsk, 134–138. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1978). New materials for ethnogenesis and ethnocultural history of Siberian Tatars. In: *Etnokul'turnaia istoriia naseleniia Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izd-vo TGU, 88–95. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1980). *Ethnography of the Turkic-speaking population of the Tomsk Ob basin*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1981). *Turkic-speaking population of West Siberian Plain at the end of XVI — first quarter of XIX centuries*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1987). *Problems of reconstruction of the ethnic history of the population of the south of Western Siberia*. Omsk. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1992). *Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late 16th — early 20th centuries*. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo universiteta. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1993). *Problems of Ethnic History (from Western Siberia)*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).

Истомина Ю.А., <https://orcid.org/0000-0002-0525-6537>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021